

правильно оценить обстановку, в умении создать наиболее благоприятные условия для победы прогрессивных тенденций.

Потанин выражал надежду, что, возможно, в эпоху новой цивилизации мыслящая элита сумеет понять законы исторического развития и овладеть ими. Только тогда люди смогут сознательно творить свою судьбу.

Е. Г. Новикова

Г. Н. Потанин в Томске: филология, Сибирь, Восток и христианство

Последние годы своей жизни (с 1902 по 1920 год) великий сибирский учёный и общественный деятель Григорий Николаевич Потанин провёл в Томске. И, при всём обычном для Потанина широком круге занятий и интересов, его томский период определяется прежде всего филологическими трудами — филологическими и в широком культурологическом, и в сугубо специальном, профессиональном смысле этого слова.

Проблема логоса, слова всегда занимала совершенно особое место в деятельности и творчестве Потанина: она была важнейшей составляющей его областнической программы. Проблема формирования регионального самосознания сибиряков конкретизировалась у Потанина прежде всего как проблема становления самостоятельного и свободного областного слова, как “постановка голоса” региональному общественному мнению и отдельному сибиряку, как процесс обретения жителями региона права, возможности и способности свободного слова. Но на разных этапах своей жизни ученый сосредоточивался на разных аспектах этой общей программы.

Характерно, что свою областническую деятельность Потанин начинает и до конца жизни осуществляет как журналист и публицист, ему принадлежит огромное количество публикаций в центральной и региональной прессе по проблемам Сибири, Востока, российских регионов вообще. Уникальна его роль в формировании и развитии оригинальной сибирской прессы и отсюда — сибирской интеллигенции. Именно способность к слову, свободному логосу и является, по мысли Потанина, сущностным качеством интеллигентного человека. В частности, в томский период жизни им написаны такие принципиальные работы, посвящённые данным проблемам, как “Города Сибири” и “Нужды Сибири” (опубликованы в знаменитом областническом сборнике “Сибирь, ее состояние и нужды” [1]), “Из истории интеллигентной Сибири” [2], “Из жизни сибирской журналистики” [3].

Однако со временем в контексте этой общей журнально-публицистической деятельности у Потанина начинает оформляться вкус и интерес к собственно филологическим трудам и изысканиям, что определяет собой новый и особый этап его областнической программы: его волнует процесс становления оригинальной сибирской литературы, и этой проблеме он посвящает специальные литературно-критические исследования. В них Потанин проявляет себя и как одарённый литературный критик, и как интересный историк русской литературы, и как теоретик-культуролог, специалист по проблемам региональных культур.

Принципиальной в этом смысле является его литературно-критическая статья “Роман и рассказ в Сибири”. Опубликованная в 1875 г. в иркутской газете “Сибирь”, внутренне она очень тесно связана с Томском. Она посвящена творчеству писателей-сибиряков И. В. Оммулевского, И. А. Кущевского и Н. И. Наумова. Анализируемый в статье роман Кущевского “Николай Негорев, или благополучный россиянин” написан на материале томского детства писателя, в

частности, значительное место в нем отведено рассказу о томской мужской гимназии. Наумов — писатель-томич, чье детство, юность и поздние годы жизни также прошли в Томске. Именно с творчеством последнего, а, точнее, с характерным для него жанром — жанром рассказа — и связывает Потанин будущее сибирской литературы.

Основная проблема, которая в данной статье занимает Потанина, является одновременно и проблемой филологической, и проблемой культурологической: что такое, собственно, региональная литература, каковы критерии её выделения из общенационального (общероссийского) литературного процесса, в чём должны состоять её принципы внутреннего самоопределения, наконец, обладает ли она какой-либо эстетической и художественной спецификой. Безусловной заслугой Потанина является впервые осуществленная постановка всех этих сложнейших вопросов, связанных со спецификой русского литературного процесса XIX – XX веков, как бы мы ни относились к его ответам на них. С его точки зрения, сибирской литературой может быть названа только литература, во-первых, созданная сибиряком по происхождению; во-вторых, основанная на сибирском материале; в-третьих, посвященная специфическим проблемам края. Эта общая социо-культурная позиция Потанина дополняется и уточняется позицией эстетической: в центре его внимания оказывается проблема жанра сибирской литературы (что отразилось уже в названии статьи — “Роман и рассказ в Сибири”). По мнению Потанина, в силу целого ряда специфических культурных особенностей Сибири и, прежде всего, в силу принципиального демократизма ее основного населения, сибирской литературе наиболее адекватен жанр рассказа, точнее говоря, “рассказ из народной жизни” [4], представленный в статье циклом рассказов Наумова “Сила солому ломит”.

Следует подчеркнуть, что прогноз Потанина о жанровой специфике сибирской литературы блестяще подтвердился во второй половине нашего века: в этот период впервые за всю историю сибирской литературы сибирские писатели Шукшин, Распутин, Астафьев и другие не только вошли в общероссийский литературный процесс, но заняли в нем важное место, сформировав своим творчеством особое направление так называемой “деревенской прозы”, и их ведущим жанром действительно стал жанр “рассказа из народной жизни”. (В связи с этим: было бы любопытно проделать сравнительный анализ рассказов Наумова и, например, рассказов Шукшина — и попытаться выделить в них некие устойчивые, специфические особенности сибирской литературы, характерные для нее как в XIX, так и в XX веке.)

Со временем филологические занятия Потанина приобретают все более и более специальный характер: он сосредотачивается на изучении фольклора народов Сибири и Азии.

Известно, что свои первые фольклорные записи он сделал еще в юности и продолжал заниматься этим всю жизнь. Процесс поиска и сбора фольклорных материалов заметно активизировался в контексте научных экспедиций Потанина по Сибири, в Монголию, Тибет и Китай.

Фольклорные изыскания ученого демонстрируют важнейшие сдвиги в сфере его интересов; от изучения Сибири он постепенно начинает переходить к изучению и осмыслению Азии, Востока как особого, не только и не столько регионального, но прежде всего культурного феномена. Региональная проблематика, сохраняясь до конца жизни, отходит на второй план и сменяется проблематикой, которую мы сегодня называем культурологической: исследование Востока, восточных культур. Она и становится приоритетной.

Материалом, наиболее адекватным подобному исследованию, Потанину представляется фольклор. В основе лежит всё та же его областническая установка на слово, на живой и оригинальный голос человека сибирского и азиатского региона как на оптимальный спо-

соб самовыражения, как на сильный и свободный логос культуры. Причем, если Потанин начинает свою деятельность фольклориста с симпатичного и искреннего любительства, то во второй половине его жизни она эволюционирует к квалифицированной позиции учёного-специалиста, учёного-филолога.

Весь этот узел проблем и определяет специфику томского периода жизни Потанина. Об этом свидетельствуют его опубликованные труды данного периода, а также материалы его томского архива, хранящиеся в Научной библиотеке Томского государственного университета [5].

Архив Потанина демонстрирует прежде всего его глубокий интерес к языкам Сибири и Азии, который превращается в интенсивное их изучение. В сфере его внимания – татарский, монгольский, китайский и другие языки и наречия, в результате чего именно лингвистические материалы составили значительный пласт архива: например, исследование грамматических принципов и лексика монгольского языка, пояснения к переводу китайских рукописей (находящихся здесь же), “Уйгурский словарь”, “Русско-остяцкий словарь” и т. д. [6].

Но знание языков, при всей его важности, не было для Потанина самоцелью, а только необходимым условием и средством изучения фольклора и культуры Сибири и Азии. В этом смысле также предельно показателен его томский архив: всё-таки основной пласт находящегося в нём материала составляет фольклор, киргизские, монгольские, калмыцкие сказки, сказания, легенды, песни на своём, родном, языке и в переводах. Именно с данными материалами и связан первый уровень филологической деятельности Потанина в томский период: продолжается организованный и руководимый учёным сбор фольклорных материалов и их последующая публикация.

Во-первых, это труды самого Потанина: его книги “Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки”, “Тибетские сказки и предания” [7], статьи в “Записках” Русского Географического Общества (где его филологические работы выглядят достаточно оригинально на фоне обычных для этих научных сборников исследований по географии, геологии, флоре и фауне...), в других периодических изданиях. В этих работах опубликована значительная часть фольклорного материала, хранящегося в томском архиве Потанина. Однако думается, что собранная в нём уникальная коллекция фольклорного наследия Сибири и Азии сегодня нуждается в специальном углублённом изучении и прежде всего — в выявлении еще не опубликованных материалов.

Во-вторых, Потанин принимает активное участие в издании других работ, посвященных фольклору, — как редактор, автор предисловий и справочного аппарата: книги М. Н. Хангалова “Балаганский сборник. Сказки, поверия и некоторые обряды у северных бурят”, книги А. Н. Белослюдова “Сказания и сказки киргиз” [8] и др.

Однако сам Потанин, начиная уже с 1880-х годов, в своей деятельности филолога-фольклориста стремится подняться на новый уровень: от сбора и описания материала он переходит к созданию на его основе самостоятельных и оригинальных научных концепций, посвященных проблемам восточного фольклора и восточной культуры вообще, процессам её взаимодействия с культурой Запада. Этапным в этом смысле стал его фундаментальный труд рубежа 1880–1890-х годов “Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе” [9].

Именно это направление научной деятельности Потанина особенно интенсифицировалось в томский период его жизни и наиболее точно выразило его специфику. В Томске были созданы и опубликованы такие принципиальные труды Потанина, как “Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу о происхождении саги” [10] и “Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии” [11].

Особую их значимость подчеркивал сам ученый. Так, в предисловии к “Сага о Соломоне” он оценивает эту книгу как по-настоящему итоговый труд, в котором он поднялся на новый уровень осмысления материала даже по сравнению с “Восточными мотивами в средневековом европейском эпосе”. Потанин пишет: “Гипотеза, которая предлагается в этой книге, была усвоена мной еще в то время, когда я печатал свою книгу “Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе”. <...> Но издание этой новой книги потребовалось потому, что в “Восточных мотивах” эти данные не выделены из всей массы материалов и рассеяны по всей книге в 800 страниц <...> Гипотеза не была высказана открыто” [10, С. 1].

Данная “гипотеза” или, иначе говоря, филологическая концепция Потанина, воплощенная им в тесно связанных между собой трудах “Восточные мотивы...” и “Сага о Соломоне...”, в конечном счете выявляет его позицию по отношению к культуре Востока, по отношению к проблеме взаимодействия восточной и западной культур.

В этом смысле принципиальной является прежде всего методологическая ориентация Потанина на вполне определённые научные школы и традиции. Характерно то, что “Сага о Соломоне” посвящена “дорогому другу Сергею Федоровичу Ольденбургу” — видному русскому учёному-востоковеду, который исследовал культуры Востока в рамках культурно-исторического и сравнительно-исторического методов. Особую роль в формировании научной позиции Потанина сыграли труды А. Н. Веселовского. “Вопросу о происхождении средневековых внебиблейских преданий о Соломоне много уделил места в своих изысканиях покойный академик А. Н. Веселовский, — подчёркивает сибирский ученый. — Он написал по этому вопросу отдельную книгу “Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе” [10. Точное название работы А. Н. Веселовского: “Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине” (СПб., 1872)]. Своё исследование Потанин рассматривает как своеобразное продолжение и развитие концепции Веселовского — развитие, осуществляемое за счёт нового фольклорного материала, но в том же методологическом ключе: “Академик не затронул тех данных, которые заключаются в устном степном (тюрко-монгольском) фольклоре. Сырой материал, сохранившийся в степном фольклоре, в то время <...> ещё не сделался достоянием русской науки” [10, С. 4].

Итак, Потанин ориентируется на совершенно определённую традицию русского академического литературоведения второй половины XIX века — на сравнительно-историческую школу, наиболее ярким представителем которой и был А. Н. Веселовский. Думается, учёного-сибиряка привлёк в ней не только общий для областничества и сравнительно-исторической школы позитивистский подход к материалу, но прежде всего — установка Веселовского на сравнительно-историческое изучение европейской, азиатской и славянской культур, организовавшая, в частности, и его работу “Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине”. Проблема “Восток и Запад”, “Азия и Европа” — вот что больше всего интересует Потанина, и именно это становится основным внутренним смыслом его томских исследований.

“Восток” в самом общем смысле у Потанина представлен как Сибирь и ряд сопредельных ей азиатских стран. Причем его областническая установка обусловила вполне однозначную ценностную ориентацию: изначальная оппозиция областничества “Сибирь – Россия”, “регион – центр” теперь наполняется смыслами “Азия – Европа”, “Восток – Запад” — с принципиальными преимуществами первого перед вторым.

При этом свой вклад в изучение культуры Востока Потанин видит в том, чтобы специально сосредоточиться на сборе, обработке,

интерпретации именно азиатского фольклорного материала, восточных сюжетов и образов. Так, в книге “Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе” он, вроде бы в полном соответствии с принципами исторической поэтики Веселовского, осуществляет сравнительный анализ “ордынского” эпоса о Чингиз-хане с западно-европейским средневековым эпосом о Карле Великом и с русским былинным эпосом о богатырях, обнаруживая при этом целый ряд общих сюжетов и мотивов и декларируя их исходное индо-европейское единство. Однако в процессе сравнительного анализа того или иного конкретного материала Потанин раз за разом стремится доказать изначальный характер восточного сюжета как более древнего и потому исходного для всех последующих славянских и европейских его инверсий. Осознавая своеобразие своей исследовательской позиции, учёный объясняет её объективной необходимостью более широкого и интенсивного введения материалов азиатской культуры в российский и европейский научный оборот; но в целом его ценностная ориентация на культуру Востока не вызывает сомнений.

Думается, именно она обусловила ту высокую оценку, которую сам Потанин даёт своей книге “Сага о Соломоне”, поскольку круг её материала и проблематики очерчен преимущественно Востоком, а проблема Запада заметно отошла на второй план. Уже Веселовский предложил концепцию азиатского, а именно, индийского происхождения саги о Соломоне; Потанин стремится уточнить её на новом азиатском материале: “За самую древнейшую редакцию следует признать бурятскую легенду о сотворении мира. Эту-то последнюю легенду и надо признать за начало соломоновской саги” [10, С. 141].

Мифологический материал азиатского фольклора закономерно вовлекал в сферу научных изысканий Потанина религиозную проблематику. Именно это и определило характер нового, следующего этапа размышлений учёного над проблемой “Восток и Запад”, ярким воплощением которого стала книга “Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии”. По своему материалу она так же, как и “Сага о Соломоне”, тесно связана с трудом “Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе”, однако в ней заключены принципиально новые смыслы, некоторые из которых в контексте творчества Потанина выглядят просто неожиданно.

В данной работе Потанин специально сосредоточивается на фольклорном материале о “Сыне Неба”, к которому он обращался уже в “Восточных мотивах”, и интерпретирует его как основной космогонический миф азиатских народов. При этом сюжет о “Сыне Неба” и его приключениях на земле учёный соотносит с сюжетом сотворения мира Богом и его Сыном, включая в него ситуацию спора Сына с Богом и его падения на землю, а также ситуацию добровольного сошествия Сына на землю и его страданий там во имя Бога-Отца. Потанин в предъявленном материале азиатского фольклора вычленяет, в частности, христианскую модель.

Иначе говоря, в этой книге Потанин от проблем культуры переходит к проблеме религии, и взаимоотношения Востока и Запада теперь уточняются у него как процесс соотношения религий. Важнейшее место в размышлениях учёного занимают вопросы о взаимовлияниях язычества, христианства и буддизма, о фольклорных истоках буддизма и христианства; при этом Потанин очень типично для себя стремится доказать именно азиатские фольклорные источники буддизма и христианства. (Сквозь призму смыслов данной книги нетрудно увидеть, что эти подходы уже присутствовали — хотя, как правило, в свёрнутой форме — и в “Восточных мотивах”, и, особенно, в “Саге о Соломоне”).

В самом исследовательском дискурсе Потанина обнаруживается некий изначальный парадокс: стремление доказать исходный характер азиатского эпоса неожиданно оборачивается его насильственной

христианизацией. В целом ряде случаев Потанин, чтобы подчеркнуть религиозную и культурную значимость очередного “ордынского” материала, его очевидно языческие и буддийские мотивы, целенаправленно и упорно “дотягивает” до христианства.

Характерна сама научная проблема, которой посвящена книга. Вот как её формулирует сам Потанин: “В 5 в. по Р. Хр. христианство было перенесено в северный Китай. Здесь мы наблюдаем странный факт, разъяснить который, кажется, до сих пор не брался ни один ориенталист: основатель христианства — Христос — не был известен китайцам—христианам под этим именем. В сев. Китае это имя заменили именем туземного происхождения — Ерке. <...> Что может быть общего между легендой о грызуне и основателем великого учения? Но дальнейшие изыскания в области фольклора покажут, что переход от Ерке—сурка к Ерке — главе культа не представляется непреодолимым” [11, С. 1–3]. На фольклорном материале Азии Потанин стремится исследовать судьбы христианства. В сущности, об этом свидетельствует и название книги — “Культ Сына Неба... Материалы к тюрко-монгольской мифологии”.

Сам факт специального исследования, посвящённого христианству, представляется не только интересным, но прежде всего неожиданным. Областная программа Потанина всеми своими корнями уходит в русскую демократическую, даже революционно-демократическую культуру с её позитивизмом и атеизмом. Отсюда, кстати, — характерная стилистика потанинских высказываний о христианстве: Христос — “глава культа”. Но каковы бы ни были отдельные формулировки, общий дискурс Потанина поражает уникальной логикой движения от языческого фольклорного материала к Иисусу Христу: “В центральной Азии существовал культ сына неба <...> Теперь монголы, буряты, сойоты и алтайцы все знают его под именем Ерликхана <...> Возникли легенды о сыне неба, убитом на земле. В этих легендах сын неба изображается гонимым, невинным страдальцем, На этой почве возникли легенды о пригвождённом, распятом” [11, С. 97]. Этот дискурс закреплён в самой структуре книги, первые главы которой написаны на азиатском фольклорном материале, затем входит материал славянского и западного фольклора, и последним разделом книги, её принципиальным финалом является глава под названием “Христианские апокрифы”.

Особо интересным представляется то, что дискурс, несущий в себе христианскую модель, организует потанинский конкретный анализ и пересказ азиатского фольклорного материала. Так, особое место в книге занимают материалы монгольского сказания о Гэсэре. Сюжет этого сказания Потанин пересказывает следующим образом: Гэсэр — один из трёх сыновей царя неба Хормустен-хана. “Последний получает известие, что на земле торжествует зло и что люди страдают. Царь неба решает послать одного из своих сыновей на землю. <...> Эту миссию <...> исполняет Гэсэр. Он воплощается на земле сыном одной девицы и, достигнув подходящего возраста, приступает к выполнению своей миссии” [11, С. 21]. “На земле торжествует зло и люди страдают”, “миссия”, “воплощение на земле”, “воплощение сыном девицы” — всё это очевидная стилистическая и содержательная христианизация фольклорного материала. Наиболее ярко это проявилось в использовании понятия “воплощения” — понятия, свойственного только христианству и во многом определившего его специфику как религии: воплотившийся на земле Бог-Сын. Христианская модель определяет и особое исследовательское внимание Потанина к фольклорным материалам, так или иначе несущим в себе ситуацию распятия, например: “несмотря на важное культовое значение Ерлика, тюрко-монгольские предания имеют склонность изобразить его в прижизненном виде. <...> Распяливают его конечности между четырьмя

столбами ...” [11, С. 15 и далее — о ситуации распятия в азиатском фольклоре].

В общем трудно сказать, что здесь организует позицию учёного — сознательное стремление доказать исходное азиатское (“тюрко-монгольское”) происхождение христианства или подсознательное представление о христианстве как об оптимальной религиозной и культурной модели. Но в целом можно утверждать, что в томский период своей жизни Потанин сосредоточился на проблеме происхождения и функционирования тех “вечных сюжетов” мировой культуры, которые несёт в себе христианство, и тем самым по-своему оказался адекватен наступившей в России новой культурной эпохе рубежа веков — эпохе духовного и интеллектуального господства религиозно-философской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирь, её состояние и нужды. — СПб., 1908
2. Сибирская жизнь. — 1916, №№ 30, 33, 35.
3. Сибирская жизнь. — 1916, №№ 118, 119.
4. Литературное наследство Сибири. Т. 7. — Новосибирск, 1986. — С. 231.
5. Архив Научной библиотеки Томского гос. Университета. Опись рукописей Г. Н. Потанина.
6. Там же. — №№ 41, 151, 148е, 51.
7. Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. — Пг., 1912. Потанин Г. Н. Тибетские сказки и предания. — Пг., 1914.
8. Хангалов М. Н. Балаганский сборник. Сказки, поверия и некоторые обряды у северных бурят. — Томск, 1903. Белослюдов А. Н. Сказание и сказки киргиз. — Семипалатинск, 1915.
9. Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. — М., 1899.
10. Потанин Г. Н. Сага о Соломоне: Восточные материалы к вопросу происхождения саги. — Томск, 1912.
11. Потанин Г. Н. Ерке: Культ Сына Неба в Северной Азии. Материалы к тюрко-монгольской мифологии. — Томск, 1916.

А. В. Адрианов

ПИСЬМА К Г. Н. ПОТАНИНУ

Впервые публикуемые письма к Григорию Николаевичу Потанину принадлежат перу Александра Васильевича Адрианова. Но если имя адресата довольно широко известно, то имя автора писем всё ещё остаётся малознакомым сибирскому читателю.

“История Сибири — это история сплошных страданий, гнёта и бесправия, и сыны Сибири, наиболее преданные своей родине, разделяют участь, уготованную стране властью центральной и местной, разделяют до такой степени, что самые имена этих благородных людей стираются со страниц истории рукой той же власти и исчезают из памяти поколений”, — так писал Адрианов в 1911 году, не подозревая, что и его имени придётся испытать долгий период забвения. Поэтому, говоря опять же словами Адрианова, “об одном из таких сынов, загубленных жестоким режимом, настало время воскресить память, закрепить её в умах подрастающих поколений” [Адрианов А. В. Славный сибиряк Иван Александрович Худяков. СПб., 1911, С.1]. Первый шаг к этому уже сделан — в 1991 году Адрианов был реабилитирован. В Томске на здании по переулку Нахановича № 9 (бывшее здание Сибирского товарищества печатного дела, где он работал редактором газеты “Сибирская жизнь”) установлена мемориальная доска: этнограф, археолог, публицист; родился, умер ... Нам кажется, эти скупые сведения необходимо дополнить и, хотя бы кратко, познакомить читателя с основными этапами его биографии. Адрианов Александр Васильевич — путешественник, этнограф, археолог и публицист. Родился 26 октября 1854 года в Белозёрской слободе Курганского

3. Вестник ТГУ. Гуманитарный специальный выпуск. Январь 1998.